

Конце: правда. - 1992. - 30 июня.

«Академик, а поет»

Очередной сезон в Большом блестяще завершила И. Архипова

Заехавшие в родной театр из-за рубежа видные его мастера заметно украсили последние перед летним перерывом спектакли. Только что величественно пел и домовито расхаживал по сцене Мефистофель — Е. Нестеренко, теперь в Большом вечер Ирины Архиповой, в завершение двухсот шестнадцатого сезона. Присутствие прекрасных голосов ощущается задолго до поднятия занавеса. Я давно заметил: как только бескорыстные и честные служительницы театра в своих форменных синих костюмах смотря на тебя еще в раздевалке как бы извиняясь и с сочувствием — значит, голосов сегодня нет. Не жди и не надейся. Если же оживлены и праздничны — все в порядке. В вечер Ирины Архиповой было именно так: оживленно и празднично.

Сидевший рядом профессор математики из Геттингена, чрезвычайно эмоциональный и разговорчивый, все допытывался: зачем же Архипова поет, если она и профессор, и

академик, и президент Международного союза музыкальных деятелей? Все мои попытки объяснить, что она сначала поет, а уж потом имеет место вся эта профессорская канитель, проникновенные строки о которой он вычитал в программке, — не были успешными. По его представлениям так не бывает ни в математике, ни в музыке. Ирина Константиновна сама ему все объяснила со сцены. И, по моему, исчерпывающе.

Ее пение пленяет естественностью. И лишний раз свидетельствует, что по глубине выразительности с голосом не может соперничать ни один самый совершенный музыкальный инструмент. Когда ее слушаешь — не думаешь о технике вокала. Никогда. И незачем. Знакомые партии поражают совершенной звуковой культурой. Звук не ищет спасения в слове, не прикрывается им, как часто, к сожалению, случается и на этой сцене. В ее возможностях он сам богаче любого слова.

И уже не только не зада-

ет вопросов, но, по-моему, и не дышит любознательный профессор из Геттингена.

Архипова не заигрывает с публикой, не демонстрирует эффектные жесты и интонации. Она как опытный педагог извлекает главные и лучшие партии из прерывающегося до осени оперного действия и, благодаря исключительному своему мастерству, дает нам редкую возможность вне суеты большого спектакля услышать и насладиться буквально каждым звуком пусть давно известных партий, но исполненных так, что, может быть, впервые имеешь возможность оценить их истинные достоинства и по-настоящему понять замысел композитора.

Ирина Константиновна удивила не только тем, что «академик, а поет». А более всего тем, что как истинно талантливый и, что бывает не часто, щедрый человек не побоялась пригласить в свою программу не полуживого тенора, а блестящую молодую левицу из Киева Викторину Лукьянец. Ис-

полненные ею партии украсили вечер Архиповой. А их совместный дуэт — выше всяких похвал.

Как обычно, радовал и хор Большого театра. Дирижер Андрей Чистяков не только исправно целовал руки певцам, но и вполне творчески руководил оркестром.

Жаль, что прекрасные звуки не смутили жизни театральной площади: здесь по-прежнему бойко торговали водкой, джинсами и сигаретами разбойного вида мужички, будто бы олицетворяющие рыночную стихию. У метро бежали нечесанные молодые люди с серьгой в ушах. Во всем этом какая-то вопиющая несправедливость: ведь так проторгуют и пробегают, не подзревая ни о Чайковском, ни об Архиповой. Да, конечно, искусство вечно. Может быть, когда-нибудь и добегут. Но мгновения его неповторимы. Как это — вечер Ирины Архиповой. И мне действительно жаль, что он уже в прошлом. А кто-то не добежал...

Ю. ДАНИЛИН.